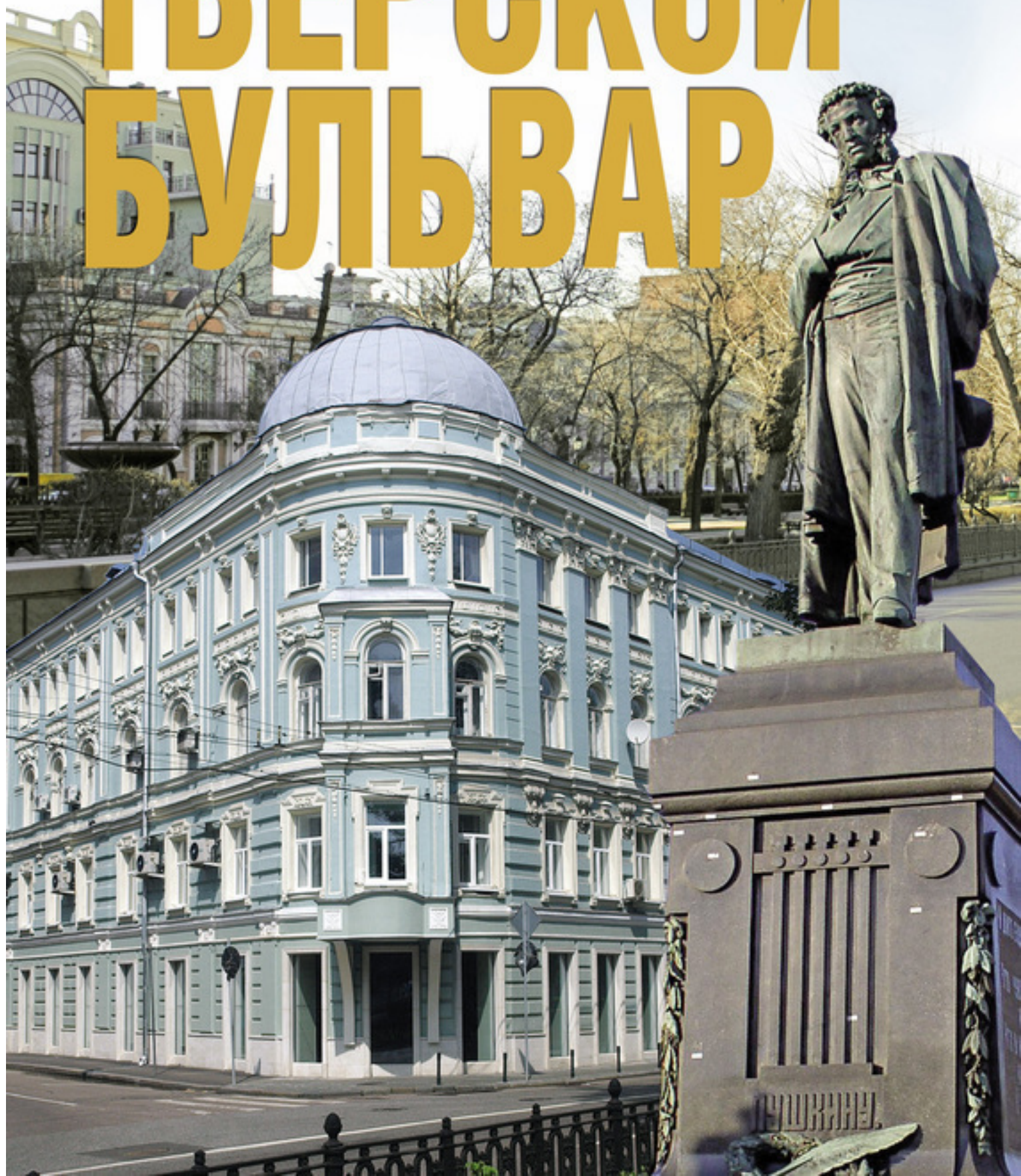

ЛЕВ КОЛОДНЫЙ

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАР

Лев Колодный
Тверской бульвар

«ВЕЧЕ»

2014

УДК 93/94
ББК 63.3

Колодный Л. Е.

Тверской бульвар / Л. Е. Колодный — «ВЕЧЕ», 2014

Эта книга написана известным журналистом и писателем Львом Колодным, автором многих сочинений о Москве. Она посвящена одному из десяти московских бульваров, зеленым полукольцом стянувших центр города между берегами Москвы-реки. Бульварам москвичи обязаны императрице Екатерине II, повелевшей на месте земляного вала, крепостной стены и ворот каменного Белого города, утратившего оборонное значение, посадить деревья. Тверской бульвар первый стал излюбленным местом прогулок и гуляний народа. Ему посвящены стихи и описания многих литераторов. Никуда не выезжая из Москвы, Лев Колодный два года ходил по маршруту длиной всего 872 метра, но здесь на каждом шагу встречал дома, связанные с именами великих писателей, архитекторов, артистов, замечательных жителей Тверского бульвара. Вечером на нем загораются фонари у подъездов МХАТа имени Горького и драматического театра имени Пушкина, бывшего легендарного Камерного театра Таирова, где играла гениальная актриса Алиса Коонен. О том, что автор увидел и узнал во время увлекательного путешествия, вы прочтете на страницах авторского путеводителя. С ним в руках все, кто любит Москву, могут пройти дорогами писателя, узнав о многих незабываемых людях и событиях.

УДК 93/94
ББК 63.3

© Колодный Л. Е., 2014
© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Вступление	6
Бульвар Екатерины II. Его назвали Тверским	7
Иван Богослов улыбался. А студенты убили царя	13
«Повеса вечно праздный». На Тверском бульваре	18
Восьмой фаворит Екатерины II и другие истории Тверского бульвара	24
Ботаник и борец в образе профессора Тимирязева	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лев Колодный Тверской бульвар

© Колодный Л.Е., 2014

© ООО «Издательский дом «Вече», 2014

Вступление

На планах Москвы Тверской бульвар появился сравнительно недавно – на рубеже XVIII – XIX веков – и сразу пережил катастрофу в пламени пожара 1812 года. Но восстал из пепла и стал еще краше. На нем до 1917 года не построили ни одного храма, плотно заполнив новыми городскими усадьбами и возродив старые дворцы. О них интендант армии Наполеона Анри Бейль, известный в мире как писатель Стендаль, сообщал сестре из захваченной Москвы: «Этот город был не знаком Европе, в нем было от шестисот до восьмисот дворцов, подобных которым не было ни одного в Париже».

Бульвар после возрождения стал местом гуляний, описанным классиками русской литературы в прозе и стихах, одной из самых известных улиц Москвы. Сочиняя роман в стихах «Евгений Онегин», Пушкин в черновых набросках писал:

Он слышит на больших обедах
Рассказы отставных бояр,
Он видит Кремль, Тверской бульвар.

Как видим, ставит в один ряд с древним чудным Кремлем новую достопримечательность Москвы. В «Записках москвича» 1830 года журналист Яковлев отмечал: «Несмотря на моды, нововведения, новые сады, новые бульвары, Тверской бульвар главенствует перед всеми прочими гуляньями». Спустя год путеводитель Москвы констатировал: «Здесь ежедневно собирается множество прогуливающихся и иногда так много, что бывает тесно. В некоторых расстояниях поставлены скамейки для отдыхающих».

Спустя сорок лет Федор Тютчев, много лет живший в лучших городах Европы, признавался: «Есть что-то удивительно ободряющее меня и освежающее в этом городе... Тверской бульвар неизменно производит на меня свое действие».

По бульвару прогуливались Карамзин и Пушкин, Лермонтов и в детстве Лев Толстой. Здесь родился Герцен. На нем установили первый в России памятник Пушкину. «Артистический кружок» на бульваре посещали Чайковский и Островский.

В собственном доме жила великая актриса Мария Ермолова, а в советские годы в общезжитии писателей обитали Андрей Платонов и Осип Мандельштам.

Два века на Тверском бульваре вершилась история Россия, в домах «Латинского квартала» вызревал заговор студентов, решивших убить царя Александра II. На нем строились баррикады в 1905 году, братались люди в феврале 1917 года, а в октябре шел «последний и решительный бой». В годы так называемой «реконструкции Москвы» бульвар лишился квартала, примыкавшего к Тверской улице, старинных домов у Никитских ворот. Об этом и много другом я рассказал в этой книге, где впервые названы имена замечательных людей, которые прежде замалчивались советской цензурой.

Бульвар Екатерины II. Его называли Тверским

В мире много бульваров шире, протяженнее и роскошнее, чем Тверской бульвар. Одни Елисейские Поля в Париже чего стоят. Там праздник жизни, толпы иностранцев всех цветов кожи и разрезом глаз, дворцы, монументы и площади, там лес деревьев шириной 300—400 метров и проспект длиной без малого два километра, точнее – 1915 метров. Такой самой красивой улицей мира стали Елисейские Поля далеко не сразу и появились в конце XVIII века, почти одновременно с нашим первым старейшим бульваром. Но французам там места осталось мало.

Тверской бульвар также давно промерен, его длина 872 метров, ширина колеблется от 60 до 80 метров. Москва его никому пока не отдала.

Побывавший в Париже в 1790 году Николай Карамзин на месте нынешнего великолепия увидел лесок «с маленькими цветущими лужками, с хижинками, в разных местах рассеянными, из которых в одной вы найдете кофейный дом, в другой – лавку. Тут по воскресеньям гуляет народ, играет музыка, пляшут веселые мещанки. Бедные люди, изнуренные шестидневную работою, отдыхают на свежей траве, пьют вино и поют водевили».

Автор «Бедной Лизы», житель Москвы, сравнивая ее с заграницей, сожалел, что у нас не было, как в городах Европы, «нарядных садов, где можно с удовольствием прогуливаться», и в своих корреспонденциях, публиковавшихся в Первопрестольной, убеждал: «В больших городах весьма нужны народные гульбища. Ремесленник, художник, ученый отдыхает на чистом воздухе по окончании своей работы, не имея нужды идти за город».

Тверского бульвара, когда наш великий историк путешествовал по Европе, все еще не существовало, хотя крепостную стену Белого города по повелению Екатерины II к тому времени разобрали. «По примеру чужестранных земель, – указывала императрица главноначальствующему в Москве, – иметь место в середине города для общественного удовольствия, где бы жители оно могли, не отдаляясь от своих домов, употребить прогуливание».

Выполнили царское повеление в 1796 году между Никитскими и Тверскими воротами Белого города. Все давние стоявшие на крепостном валу строения, лавки, кузницы волею фельдмаршала Ивана Салтыкова снесли. Землю срыли. Ров засыпали. Топкая местность, известная всему городу как Козье болото, где трудно было пройти и проехать, где веками грязь стояла по колено «и посреди самого сухого лета земля тряслась под ногами», как вспоминал в «Дамском журнале» анонимный «Любитель отечественной истории», преобразилась на глазах. Там где на горке играли дети, паслись козы, коровы и лошади из соседних домов, к всеобщему удивлению возник европейского вида бульвар, по имени ворот и улицы названный Тверским. Как и сегодня, всякому новому нашлись противники: «Экие времена! Все отняли, некуда выпустить и овечки. Люби Бог его сиятельство, а он нехорошо делает, что бедных людей вздумал обижать!»

Землю спланировали, утрамбовали и засыпали песком. Руководил невиданным делом губернский архитектор Семен Антонович Карин. В XVIII веке казенным российским зодчим присваивались воинские чины. Из московской артиллерийской школы, где обучали Карина, его выпустили архитекторским учеником в унтер-офицера. Прежде чем стать архитектором, он годами работал архитекторским помощником в чине прапорщика, подпоручика, капитана. (В чине капитана при артиллерийском ведомстве начал в Москве служить Василий Баженов, вернувшийся после долгой стажировки за границей профессором Римской академии святого Луки и академиком Флорентийской и Болонской академий.)

В Киеве построил уроженец Москвы Карин губернаторский дом, в родном городе – трехъярусную колокольню церкви Троицы в Листах на Сретенке, не пережившую эпоху Хрущева. Сведений сохранилось о нем мало. Постройки его сгорели в 1812 году. Выстоял до наших

дней Старый Гостиный двор, который возводил он, приспособивая к нуждам московских купцов, по проекту Кваренги.

В эпоху Екатерины II Карин прослыл и чиновником, и зодчим. Устройство и украшение Тверского бульвара стали его лебединой песней. Высаженные в четыре ряда березы не прижились, засохли в городе. Их заменили липы. Увидеть, как они разрослись, Карину было не суждено.

Бульвар, задуманный в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, не стал прихотью императрицы в Москве, всем пришелся по вкусу, не пустовал ни днем, ни вечером. Поэт Константин Батюшков в «Прогулке по Москве», совершенной перед нашествием французов, когда средневековый вал, полукольцом окружавший Москву, еще не был до конца срыт, писал: «Теперь мы выходим на Тверской бульвар, который составляет часть обширного вала. Вот жалкое гульбище для обширного и многолюдного города, какова Москва; но стечение народа, прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские привлекают сюда толпы праздных жителей. Хороший тон, мода требуют жертвований: и франт, и кокетка, и старая вестовщица (так называли в Москве городских сплетниц. – *Ред.*), и жирный откупщик скачут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица».

Поэт упомянул эти наряды: пестрый мундир офицера, голубые панталоны и безобразный фрак счастливица, прискакавшего на почтовых с берегов Секваны, епанчу (плащ широкого покроя. – *Ред.*) профессора Московского университета. Сохранил в нашей памяти офицера, прогуливающегося с бабушкой, придворной ветхой красавицей, и дедушкой-подагриком, провинциального щеголя, приехавшего перенимать моды, красавицу с толпой обожателей, поэта, читающего эпиграммы, и многих других исчезнувших типов.

При всей нескрываемой иронии Батюшкову нравилась воцарившаяся между липами атмосфера свободы общения, возможность «ходить взад и вперед с кем случится», видеть перед собой «великое стечение людей знакомых и незнакомых». На бульваре, к его радости, «люди становились людьми» и все казались счастливыми.

Никого из завсегдатаев Тверского бульвара поэт не назвал. За него это сделал анонимный автор «Стихов на Тверской бульвар», ходивших по рукам в многочисленных списках. Этот рифмоплет был вхож в высшее общество, знал героев своих эпиграмм не только по именам, но и по кличкам. Знал их происхождение, физические недостатки и человеческие слабости, делая их предметом своих обличений. Под его горячую руку попадали люди влиятельные и самые знатные в Москве.

Вот попович Малиновский
Выступает также тут.
За ним поленький Ватковский,
В коем весу тридцать пуд.

Попович – сын протоиерея Алексей Федорович Малиновский, драматург, переводчик, историк, ведавший Московским архивом Коллегии иностранных дел, где под его началом начинали блистательные карьеры «архивны юноши», упомянутые в хрестоматийных строчках:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят.
И про нее между собою
Неблагосклонно говорят...

Точно так же молодые аристократы высказывались о своем директоре, называли его «иезуитской харей», что не мешало Пушкину бывать у сановника и на службе, и дома,

поскольку Малиновские дружили с Гончаровыми, родителями его жены. Помянутый Ватковский был сыном командира Семеновского полка, который возвел на престол Екатерину II. Тучность не помешала ему прослыть в обществе «занимательным рассказчиком».

И Волконский с карусели
В шпорах звонко прикатил,
Весь растрепан, как с постели,
Парень этот, право, мил.

Этим «парнем» был князь Петр Михайлович Волконский, страстный любитель искусства, содержавший в Москве два крепостных театра. Один давал представления в барском доме, где играли дворовые люди и любители из дворян. После премьеры одной из пьес вышла в Москве книжка под названием: «Комедия в одном действии Н.Н. Представлена в первый раз благородным обществом в доме князя Петра Михайловича Волконского в 1776 г. Печатана в университетской типографии коштом книгопродавца Христиана Радигера».

В районе Самотеки существовал другой крупный театр Волконского на 300 мест, где ставились оперы и пьесы. Дворовые актеры князя перешли в казенную труппу, ставшую Малым театром. Их видели на бульваре во главе с управителем Аполлоном Майковым.

Не все эпиграммы отличались благодушием, были и оскорбительные, за которые могли вызвать на дуэль, чем, очевидно, объясняется желание автора скрыть свое имя. Так, гусар, муж красавицы, поражающей прохожих «блеском каменьев дорогих», будущий герой Отечественной войны Шепелев удостоился такого портрета:

Усы мерой в пол-аршина
Отрастил всем на показ,
Пресмешная образина
Шепелев в глазах у нас.

Другой офицер, которого видели не только на бульваре, но и в лучших домах Москвы, упрекался за купеческое происхождение:

А Гусятников, купчишка,
В униформе золотой,
Крадется он исподтишка
В круг блестящий и большой.

На Тверском бульваре после полудня в любую погоду видели ехавшего верхом на лошади Николая Карамзина. Судя по «Прогулке» Батюшкова, он сам часто гулял в толпе среди помянутых персонажей.

Тверской бульвар на сотни лет моложе Тверской улицы, но быстро сравнялся с ней своими особняками. За какихто десять лет его застроили городскими усадьбами с главными домами и флигелями, показавшимся офицерам Наполеона и самому императору дворцами, не уступающими по роскоши парижским, с французской мебелью и книгами на французском языке.

В том из них, что сохранился под номером 25, родился у богатого помещика капитана Ивана Яковлева и его возлюбленной, привезенной им из Германии семнадцатилетней Луизы Гагг, незаконнорожденный сын Александр. Отец придумал ему фамилию – Герцен, образовав ее от немецкого слова «герц», что значит сердце. Это случилось за три месяца до нашествия в

доме родного Ивана Яковлева брата-сенатора. На Тверском бульваре у сенатора был еще один большой дом, в советские годы перестроенный в многоэтажный банк под номером 17.

С грудным ребенком на руках семья капитана и сенатор не успели выехать из Москвы, захваченной неприятелем. В «Былом и думах» Герцен записал рассказ о том, как и почему это произошло. Братья долго собирались в дорогу, то тот был не готов, то другой. «Наконец мы уложились, и коляска была готова; господа сели завтракать, вдруг наш кухмист вошел в столовую такой бледный, да и докладывает: “Неприятель в Дорогомиловскую заставу вступил”. Так у нас всех сердце и опустилось, – сила, мол, крестная с нами! Все переполошилось; пока мы суетились да ахали, смотрим – а по улице скачут драгуны в таких касках с лошадиным хвостом сзади».

Тверской бульвар загорелся не сразу. А когда огонь подобрался к домам братьев, начались грабежи. Французский солдат вырвал новорожденного у кормилицы и развернул пеленки, выискивая бриллианты и ассигнации. Ничего не найдя, разорвал пеленки. К Тверским воротам Герцена понесли завернутого в кусок материи, содранной с бильярда. Ночевали на улице, молоко у кормилицы пропало, накормили кричавшего от голода младенца куском моченого хлеба, выпрошенного у солдат. Отца Герцена привели к маршалу Мортье, тот доложил о нем Наполеону. С его письмом Александру I, где предлагалось начать переговоры о мире, семью вывели из горящей Москвы.

Когда в город вошла армия Наполеона, деревья на Тверском бульваре выросли настолько, что на них и на фонарных столбах вешали поджигателей. Французские солдаты жили на бульваре, рубили липы на дрова, разводили огонь, чтобы сварить пищу и согреться осенней ночью. Подобным образом, спустя два года, поступали казаки, войдя в Париж, разбив лагерь на Елисейских Полях.

Понадобились годы, чтобы на бульваре затянулись раны войны, восстановились сгоревшие здания и появились новые особняки.

Н.М. Карамзин. Художник В.А. Тропинин

Первым о Тверском бульваре заговорил Николай Карамзин, когда это название к нему окончательно не пристало и само слово “бульвар” резало русское ухо. Карамзин и Батюшков установили традицию в русской литературе – писать о Тверском бульваре в прозе и стихах.

«Прогулка по Москве» сочинялась в том году, когда племянника Сашу дядя Василий Львович увозил из Москвы в Царское Село учиться в лицее. Наводнивший всю Россию «вольнoлюбивыми стихами» Александр Пушкин вернулся в родной город после ссылки на юг Рос-

сии прославленным поэтом. К тому времени на Тверском бульваре кроме лип прижились вязы, клены, дубы, ель и туя, аллеи украшали цветы и фонтаны.

Шестнадцать лет не видел Москвы поэт, которую в «Евгении Онегине» описал глазами Татьяны Лариной, привезенной из деревни на выданье:

...Вот по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

«Дворцы» – это Петровский дворец, возрожденный на наших глазах правительством мэра Москвы Юрия Лужкова города. «Монастыри» – Страстной монастырь, разрушенный до основания в 1937 году. «Бульвары» – Тверской бульвар. «Львы на воротах» – охраняют здание Музея современной истории. «Аптеку» снесли заодно с кварталом бульвара, приняв Генеральный план 1971 года, пообещав народу превратить Москву в образцовый коммунистический город.

Аптеку на углу Тверской многие помнят, ей было лет двести, ее разрушили, как и многие старинные дома XVIII – XIX веков. Рука «отцов города» не дрогнула. В сводчатых подвалах дома под аптекой подавали пиво с раками, черными подсоленными сухарями. Сюда меня привел Вадим Кожин, студент филфака Московского университета, опекавший по поручению комитета комсомола такелажника стройки МГУ на Ленинских горах, грезившего по простоте душевной учиться на отделении журналистики того же факультета. От этой затеи он меня не отговаривал, заражал энтузиазмом, стихами, которые читал за столиком в полутемном шумном зале, набитом исключительно мужчинами. Он знал, как мало кто тогда, старую Москву, в числе первых писал, что ее надо беречь и не разрушать. Смешно читать, что пишет дружная компания «Архнадзора»: мол, разрушают Москву по-прежнему, и даже с большим размахом. Видели бы ребята, как расправились с Тверским бульваром в 1972 году. Я видел и потому пишу, чтобы это никогда не повторилось

Иван Богослов улыбался. А студенты убили царя

На Тверском бульваре со дня его основания и до революции не построили ни одного храма. Тем не менее его украшали купола и колокольни двух старинных церквей. Одна из них – Дмитрия Солунского – триста лет манила прихожан на углу Тверской улицы.

Русские князья и цари от Ярослава Мудрого, включая Юрия Долгорукого, Александра Невского, Ивана Грозного, до Алексея Михайловича нарекали сыновей Дмитриями. Героем Куликовской битвы стал Дмитрий Донской. Этот князь в 1380 году, когда состоялось побоище, перенес в Успенский собор икону Дмитрия из Владимира. Туда она попала, как величайшая святыня, из Киева, а до этого обреталась в Салониках, написанная на гробовой доске великомученика, погибшего при гонителе христиан императоре Диоклетиане. На царевиче Дмитрие, сыне Ивана Грозного, убитом в Угличе, пресеклась мужская линия династии московских Рюриковичей.

Церковь Дмитрия Солунского стерли с лица земли в 1933 году, когда Тверскую решили расширить, придать ей вид столицы нового социалистического мира, застроить семиэтажными домами в стиле сталинского ампира. Историки архитектуры особо ценили колокольню-звоницу храма. В средневековой Москве колокола либо поднимались на круглые башни, столпы, либо помещались в приземленные четырехгранные звонницы.

Звонница церкви Дмитрия считалась «смешанного типа», она завершалась великолепным шатром, как колокольня, и в этом была ее уникальность. «В Москве уцелела лишь единственная колокольня при трехшатровой церкви Святого Дмитрия Солунского», – отмечается в «Путеводителе по Москве 1913 года». Построили ее в первой половине XVII века, до того как церковь запретила венчать храмы шатрами.

На Тверском бульваре выстраивались кареты знатных персон, приехавших в храм не только для молитв, но и чтобы послушать церковный хор, в XIX веке столь известный, как в наши дни – хор Сретенского монастыря.

Неповторимость и три века истории не остановили разрушителей. Дмитрия Солунского не стало. Тверскую расширили. Старинные дома взорвали.

Другой храм – Иоанна Богослова – чудом уцелел, и его можно увидеть с Тверского бульвара у Театра имени Пушкина, за которым проходит Большая Бронная. В названии улицы и соседних Палашевского и Гранатного переулков хранится память о броне – панцирях и кольчугах, палашах, гранатах, то есть артиллерийских снарядах, производимых в Бронной слободе, где жили оружейники. В этой слободе деревянную церковь со времен царя Федора Ивановича построили в «прославление» апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Вступивший на престол молодой царь Михаил Романов подарил ей икону, написанную в Византии, с образом святого и дарственной надписью.

При его сыне царе Алексее Михайловиче «тщанием приходских людей» неизвестный зодчий воздвиг пятиглавую каменную церковь на месте деревянной. Позднее к ней пристроили увенчанный одной главкой Никольский придел. Его освятил Адриан, десятый и последний патриарх Московский и всея Руси. Его характеризуют крайним противником реформ Петра, приверженцем старинных обычаев, выступавшим против бритья бород, которые срезал боярам сам царь. Петр не поступил с Адрианом, как его отец с патриархом Никоном, не сослал в монастырь, не низложил, дал дожить патриархом. Но после смерти Адриана упразднил патриаршество.

Еще одна яркая фигура допетровской Руси – поэт и драматург, богослов, воспитатель царских детей Симеон Полоцкий – вошла в летопись храма.

Архитектуру Московской Руси Средних веков дополнила двухъярусная колокольня нового времени, построенная по европейским канонам, в классическом стиле. Она несла семь

колоколов, один из которых отлил мастер Иван Маторин, тот самый, кто с братом Михаилом отлил Царь-колокол.

Колокольню воздвигли в 1740 году, когда умерла императрица Анна Иоанновна. Ее отца, Ивана, царствовавшего с Петром при правительнице сестре Софье, назвали именем, которое носил Иоанн Креститель и Иоанн Богослов, почитаемый христианами как апостол, один из двенадцати учеников Христа, и как один из четырех его биографов, написавший Евангелие от Иоанна. Имя это происходит от еврейского имени «Иоханан», что значит «Яхве милостив», Бог милостив. Таким именем иудейский рыбак Зеведей, что значит «дар мой», нарек одного из сыновей. Ученик Иоанна Крестителя, он, как гласит предание, слышал, как тот при явлении Христа сказал: «Вот Агнец божий». Уверовал в него и пошел за ним, стал «учеником, которого любил Христос». На Тайной вечере «припадал к груди Христа». Единственный, кто проявил твердость духа, когда другие апостолы растерялись после ареста. Единственный из них стоял на Голгофе у креста, и умирающий Христос завещал ему заботу о матери – Деве Марии. Иоанна подвергали гонениям, бичевали, сослали на полупустынный остров Патмос. Там ему пришлось видение о будущем мира и церкви, что побудило написать вдохновенное поэтическое «Откровение», по-гречески – «Апокалипсис». Оно завершает Новый Завет, где в последних главах после второго пришествия воспевается сияющий, не знающий ночи Иерусалим. «И не войдет в него ничто нечистое, никто преданный мерзости и лжи, а только которые написанные у Агнца в книге жизни».

Вокруг Иоанна Богослова, как пишет Владимир Гиляровский в «Москве и москвичихах», на не мощенных камнем улицах в деревянных строениях с мелкими квартирами снимали жилье студенты-разночинцы. Жили в нужде. Вместо чая и кофе заваривали цикорий, четверть фунта, сто грамм, за три копейки, хватало дней на десять на четверых. В каждой комнате обитало четверо, на всех, бывало, приходилось две пары сапог и две пары платьев. На лекции ходили поочередно, двое шли в университет, двое сидели дома. «Четыре убогие кровати, они же стулья, столик да полка книг».

(Ничем не лучше выглядели комнаты огромного, в четырех замкнутых корпусах студенческого общежития Московского университета у Яузы на Стромьнке в 1951–1956 годах, когда я там жил. С той разницей, что убогих кроватей насчитывалось в два раза больше. Мебель состояла из прикроватных тумбочек, шкафа, стола и стульев. Украшали стены в рамках под стеклом отпечатанные портреты, по одному на комнату – вождей, членов Политбюро. На моих глазах комендант общежития обходил комнаты и снимал со стен портреты Берии, когда стало известно о его падении.)

При либеральном Александре II на Бронных улицах и переулках было некое подобие парижского Латинского квартала. Студенты всем своим видом и манерой поведения отличались от обывателей, ходили длинноволосые, в шляпах с широкими полями, щеголяли в пледах и очках. Подвыпив, распевали:

От зари до зари,
Лишь зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются,
А Иван Богослов,
На них глядя без слов,
С колокольни своей улыбается.

Как утверждает Гиляровский: «Здесь в конце шестидесятых годов была штаб-квартира, где жили студенты-нечаевцы, а еще раньше собирались каракозовцы, члены кружка “Ад”». Студентом Московского университет был Дмитрий Каракозов, вольнослушателем – его двоюродный брат Николай Ишутин. Студент Сергей Нечаев занимался в Петровской сельскохозяй-

ственной академии. Каракозов стрелял в царя и был повешен. Его брату, организатору «Ада», казнь заменили бессрочной каторгой. Сергей Нечаев создал «Народную расправу». За убийство студента Ивана Иванова, заподозренного им в предательстве, Нечаева приговорили к 20 годам каторги. Все они помышляли о революции и справедливом строе, социализме. Другие студенты неоднократно покушались на Александра II и убили царя, готового подписать Конституцию, спустя пятнадцать лет после выстрела Каракозова.

Студент. Художник Н.А. Ярошенко

По Тверскому бульвару в Татьянин день студенты и профессора Московского университета шли к Трубной площади, роскошному ресторану «Эрмитаж». Там раз в год за простыми столами, уставленными бутылками водки, пива, дешевого вина и закусками, устраивали, по описанию Гиляровского, шумный и развеселый «народный праздник в буржуазном дворце обжорства».

В храме Иоанна Богослова кроме иконы, подаренной Михаилом Романовым, особо почитали чудотворную икону «Умиление» Божьей Матери и Смоленскую Богоматерь XVII века в роскошном окладе. Его содрали, когда пришли на пятом году окрепшей советской власти большевики и под предлогом помощи голодающим конфисковали все церковное золото, серебро, драгоценные камни, украшавшие иконы.

Ограбление Иоанна Богослова происходило на глазах живших на Тверском бульваре Осипа Мандельштама и его жены. Надежда Яковлевна во «Второй книге», изданной в Париже, вспоминала: «Где-то в Богословском переулке – недалеко от нашего дома – стояла церквушка. Мне помнится, что именно там мы заметили кучку народа, остановились и узнали, что идет “изъятие”. Происходило оно совершенно открыто – не знаю, всюду ли это делалось так откровенно. Мы вошли в церковь, и нас никто не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по лицу у него катились крупные слезы, когда сдирали ризы и грохали иконы прямо на пол. Проводившие изъятие вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач стаях и улюлюканье толпы, развлекающейся невиданным зрелищем».

Мандельштам заметил, что дело не в ценностях: «Бывало, что снимали колокола и отливали из них пушки. Бывало, что церковное золото отдавалось на спасение страны. Одним ударом убивали двух зайцев: загребали золото и порочили церковь».

Спустя десять лет после ограбления в храм настоятелем назначили молодого иеромонаха Киприана, в миру Константина Алексеевича Нелидова. Его дворянский род происходил от «мужа знатна короны Польския», проявившего себя бойцом в Куликовской битве. После нее он навсегда остался жить в Москве, крестился, поменял имя Владислав на Владимир, а фамилию Каша-Неледзевский на Нелидов. Одному из его потомков великий князь Иван III дал прозвище Отрепьев, ставшее на двести лет фамилией рода. Это слово значило не только ветхую одежду, но и остатки льна, а в переносном смысле так называли последыша, последнего ребенка в многодетной семье.

Фамилию Нелидовым вернул царь Алексей Михайлович. При Екатерине II дочь поручика Екатерина Нелидова поступила в Смольный институт и обратила на себя внимание грацией и умением танцевать. Императрица велела художнику Дмитрию Левицкому написать портрет танцующей Нелидовой. Девушка не слыла красавицей, но поражала блестящими черными глазами, веселым нравом и остроумием. При дворе прижилась, стала близкой подругой Марии Федоровны, жены цесаревича, который и сам в ней души не чаял. Будущий император Павел I в отношениях с ней «дошел до рыцарского поклонения». Но не дальше. Никто из придворных не верил, что она фаворитка, не любовница Павла. Нелидова была бескорыстной, отказывалась от подарков императора, считала, что «сам Бог предназначил ее» охранять Павла. Вместе с его женой Екатерина гасила вспышки гнева неуравновешенного императора, влияла на важные решения при назначении сановников. Павел I говорил, что у него с Нелидовой «дружба священная и нежная, но невинная и чистая». Так продолжалось до тех пор, пока обеих не заменила одна Анна Лопухина. Спустя три года императора убили.

Николай I и его жена Александра Федоровна пережили нечто подобное с другой выпускницей Смольного института и племянницей Екатерины Нелидовой – Варварой. Очевидно, в роду Нелидовых женщинам передавались по наследству черты характера, которыми очаровывались Романовы, сначала Павел I, потом его сын Николай I.

Варенька, как ее звали при дворе, подобно Екатерине магнетизировала черными глазами, грацией, слыла рассказчицей смешных историй, искусной наездницей. На первом балу, танцуя в маске, рассказала императору ходившие о нем анекдоты, а когда открыла лицо – понравилась ему с первого взгляда. Судьба ее в тот миг решилась, она стала не только фрейлиной, но и ближайшей подругой Александры Федоровны, тайной любовью Николая I. Никаких выгод от близости с императором Нелидова не искала. В отличие от своей тети никак на его решения не влияла, любила бескорыстно, как мужчину. Статью, красотой и благородством природа его не обделила. Любить Николая Павловича было за что. В отличие от своего отца, старшего брата и сына Николай I не третировал на глазах придворных жену, мать семерых детей, которую любил. Но после последних тяжелых родов императрица по настоянию врачей прекратила с мужем интимные отношения. Став фавориткой, Варвара Нелидова никогда и нигде не давала повода заподозрить свою связь с царем, и он умело скрывал тайные свидания, без которых не мог жить. Связь длились семнадцать лет и оборвались со смертью императора. Завещанные царем 200 тысяч рублей она отправила в «Инвалидный капитал». Осталась подругой вдовы императора, близкой с его детьми, и пережила Николая I на сорок лет.

На поприще дипломатии отличился Александр Иванович Нелидов. После победоносной войны с Турцией ему поручили составить предварительные условия мира, его подпись стоит под Сан-Стефанским договором, положившим конец господству мусульман в славянских странах Восточной Европы.

Такой вот дворянский род, внесенный в родословные книги шести губерний России, был у отца Киприана, что сыграло роковую роль в его судьбе. Спустя год после назначения настоятелем храма Иоанна Богослова его арестовали и отправили в лагерь, где священник погиб в 33 года, как Христос. Он не видел, что случилось с его храмом и прихожанами. Когда по ходатайству соседнего театра общину упразднили и церковь закрыли – иконы пошли на дрова, иконостасы алтарей и росписи стен XIX века, не ценимые советскими искусствоведами, уничтожили, разрушили главы, снесли ограду. Обезображенное здание передали в аренду Камерному театру, устроившему в нем общежитие, затем столярный и слесарный цех.

Реставрация длилась мучительно долго. Живший поблизости идеолог партии Михаил Суслов обратил внимание на полуразрушенную церковь. Его звонок сдвинул дело с мертвой точки, реставрация оживилась и снова угасла. Так продолжалось все годы советской власти, пока храм не вернули верующим. «Инкомбанка» больше нет. А деньги, вложенные им в восстановление храма, не пропали. Позолота и образа завораживают. Трижды побывал в церкви Алексей II, поразившийся мастерством современных иконописцев, создавших алтари, «перед которыми будут молиться новые поколения русских людей, и они сами когда-нибудь через века станут нашей святыней». Иными словами – памятниками искусства XXI века.

«Повеса вечно праздный». На Тверском бульваре

Как выглядел Тверской бульвар в 1825 году, хорошо видно на известной литографии французского художника Огюста Кадоля. У нас его лучше знают, чем на родине. С документальной точностью он запечатлел вид Москвы с Воробьевых гор, Большой театр, Пресненские пруды, Тверской бульвар.

Уроженец Парижа, сын адвоката, с детства учился живописи. Служил в егерском стрелковом полку императорской гвардии. В «Битве народов» под Лейпцигом, где звезда Наполеона закатилась, попал в русский плен, изучил русский язык. В Россию приехал дипломатом, «военным агентом» короля Людовика XVIII. Будучи в Москве, сделал много рисунков, акварелей и сепий, рисунков коричневой краской, города.

Кадоль рисовал Тверской бульвар, глядя на него от Никитских ворот. Виденных им строений на переднем плане больше нет. Как нет церкви Дмитрия Солунского и Страстного монастыря, замыкавшего перспективу. Картину бульвара 1825 года анонимный автор «Исторического путеводителя по знаменитой столице Государства Российского», выходявшего в четырех частях в 1827–1831 годах, достойного переиздания в XXI веке, описал так: «Вот место, славное гуляньем своим. Средняя большая дорога обсажена липами, уже возмужавшими, в два ряда между оных проложены еще дорожки параллельно с большою, среднею. Из всех бульваров он есть теперь лучший».

Старинная планировка бульвара сохранилась: как прежде, тянется от Никитских ворот к Тверским воротам, Пушкинской площади, широкая аллея, посыпанная песком, и две другие дорожки, охраняемые строем деревьев в восемь рядов. «По сторонам дорог расположены прекрасные куртины (гряды для цветов. – *Ред.*) с цветами, каковыми обсажены и самые бока дорожек; посредине к правой стороне выстроена хорошего арабского вкуса кондитерская, где гуляющие могут найти и легкую закуску. По обеим оной сторонам есть два искусственные водоема, наполняемые по произволению водою. Фонтаны при блеске склоняющегося солнца обворожительны».

Ничего подобного нет давно – ни кондитерской, ни водоемов, ни фонтанов. Что есть? Детская площадка, клумбы, пешеходы и массивные скамейки, особенно популярные у пар, не имеющих возможности уединиться. Из описания Тверского бульвара видно, что в первой четверти XIX века его украшали и содержали лучше, чем сейчас: «Идите дальше: тут рошица, тут беседка из зелени, там клумба с цветами, здесь искусно сделанный мостик, на противной стороне водоем, и все тут чисто, убрано и опрятно». И далее речь идет о публике: «Здесь ежедневно собирается множество прогуливающихся и иногда даже так много, что бывает тесно».

В этом множестве выделялся вернувшийся из ссылки в ореоле славы первого поэта России Александр Пушкин, наводнивший Россию «свободолюбивыми стихами». В черновых вариантах «Путешествия Онегина» о появившемся в Москве после дальних странствий Евгении говорится:

Он слышит на больших обедах
Рассказы отставных бояр,
Он видит Кремль,
Тверской бульвар.

В марте 1827 года известный в обществе «передатчик новостей» почтмейстер Александр Булгаков писал брату в Петербург: «Мороз и снегу более теперь, нежели когда-либо, а дни такие весенние, что я поэта Пушкина видел на бульваре в одном фраке, но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы».

Пушкин случайно встретился с отбывавшим ссылку в Москве Адамом Мицкевичем. Поэты хорошо знали и читали друг друга. Не останавливаясь, на ходу они обменялись репликами. Князь Петр Вяземский, ссылаясь на «прибавления к посмертному собранию сочинений Мицкевича, писанных на французском языке», пересказал анекдот:

– Пушкин, встреться где-то на улице с Мицкевичем, посторонился и сказал:

– *С дороги, двойка, туз идет!*

На что Мицкевич мгновенно прореагировал:

– *Козырная двойка и туза бьет!*

«Где-то на улице» – это на Тверском бульваре.

Все еще не женатый, постоянно влюблявшийся Пушкин, переживший, по его признанию, 112 романов, в декабре 1828 года пришел, согласно преданию, в дом Кологривовых на Тверском бульваре, сдаваемый под устройство балов. Побывавший на таком балу Александр Булгаков, отец невест, писал брату: «Там была бездна, 500 человек, и хотя дом Кологривовых на бульваре велик, с двумя залами, было тесно и жарко».

Сюда выводили в свет девушек, здесь заводили аристократы знакомства, заканчивавшиеся подчас венчанием. Лев Толстой в «Войне и мире», описывая первый бал Наташи Ростовой в зале дома Пьера Безухова, помянул популярного в городе учителя танцев Иогеля, проводившего самые веселые балы. «Особенного на этих балах было то, что не было хозяина и хозяйки; был, как пух летающий по правилам искусства, расшаркивающийся добродушный Иогель, который принимал билетки за уроки от своих гостей; было то, что на эти балы еще езжали только те, кто хотел танцевать и веселиться, как хотят этого тринадцати – четырнадцатилетние девочки, в первый раз надевающие длинные платья».

На балу Натальи Гончаровой в доме Кологривовых кроме Иогеля хозяйка присутствовала. Она не только наблюдала за танцующими парами, но разделяла всеобщее веселье. Прасковья Юрьевна Гагарина вышла замуж за полковника Кавалергардского полка в отставке богатого помещика Александра Петровича Кологривова. Муж на восемь лет был моложе пятидесятилетней графини, которая и тогда выглядела привлекательной.

Кологривовы происходили от «мужа честна», прибывшего в Москву «из Немец» и поступившего на службу к московскому великому князю. Потомок его в десятом колене Иван Тимофеевич Пушкин получил прозвище Кологрив, ставшее фамилией дворянского рода. Кологривы служили при лошадях у царя или князя, так называли и людей, обросших гривами волос.

Известная всей Москве Прасковья Юрьевна в «Горе от ума» представлена в образе «Татьяны Юрьевны», которой «*чиновные и должностные – все ей друзья и все родные*». Многие стремились заручиться ее благорасположением.

Как обходительна! добра! мила! проста!

Балы дает нельзя богаче

От Рождества и до Поста,

И летом праздники на даче.

В молодости красота графини побудила всесильного Григория Потемкина после слов, что «в дамском обществе всякую женщину можно безнаказанно поцеловать» перейти к делу, за что светлейший князь получил пощечину от Прасковьи Гагариной. В молодости поклонником графини слыл Николай Карамзин, посвящавший ей стихи.

Парашу вечно не забуду,

Мила мне будет навсегда,

К ней всякий вечер ездить буду,

А к Селимене никогда.

Характером графиня не походила на Селимену, героиню «Мизантропа» Мольера. Она устраивала в своем доме спектакли итальянской оперы и выступала в роли примадонны. Как пишет о ней в «Русских портретах» великий князь Николай Романов, эта Гагарина обладала «невиданною живостью и веселостью характера... предавалась всем удовольствиям света и была известна как одна из первых львиц московского общества допожарной эпохи».

Прасковья Юрьевна славилась не только балами и влиянием в свете. Она первой из русских женщин в корзине воздушного шара совершила с его изобретателем-французом полет над Москвой, приземлившись в имении князя поэта Петра Вяземского.

Выйдя по взаимной любви за князя Федора Гагарина, следовала Прасковья за мужем в военных походах, беременная попала после гибели мужа в восставшей Варшаве в польский плен. Освободили ее солдаты Суворова. Замуж за полковника Кологривова графиня вышла в 1812 году. После пожара неизвестный архитектор построил для Кологривовых трехэтажный дом в стиле ампир, возвышавшийся над соседними строениями. В залах дома устраивал балы француз Петр Иогель, обучивший танцам поколения маленьких дворян, включая Пушкина.

Как выглядела на балу у Кологривовых в 16 лет Наталья Гончарова, что чувствовала при первой встрече со своей судьбой, дает представление с ее слов запись дочери: «В белом воздушном платье с золотым обручем на голове, она в этот знаменательный вечер поражала всех своей классической царственной красотой. Александр Сергеевич не мог оторвать от нее глаз...»

Наталья Николаевна была скромна до болезненности; при первом знакомстве их его знаменитость, властность, присущие гению – не то что сконфузили, а как-то придавили ее. Она стыдливо отвечала на восторженные фразы, но эта врожденная скромность только возвысила ее в глазах поэта».

А будущий муж свои переживания в тот вечер выразил в письме матери невесты: «Когда я увидел ее в первый раз, красоту ее едва начинали замечать в свете. Я полюбил ее, голова у меня закружилась, я сделал предложение, ваш ответ, при всей его неопределенности, на мгновение свел меня с ума...»

Все, кто видел Наталью Гончарову перед женитьбой, поражались. «Наташа была действительно прекрасна, – писала одна из ее знакомых. – Воспитание в деревне на чистом свежем воздухе оставило ей в наследство цветущее здоровье. Сильная, ловкая, она была необыкновенно пропорционально сложена, отчего и каждое движение ее было преисполнено грации. Глаза добрые, веселые, с подзадоривающим огоньком из-под длинных бархатных ресниц... Необыкновенно выразительные глаза, очаровательная улыбка и притягивающая простота в обращении, помимо ее воли, покоряли ей всех. Не ее вина, что все в ней было так удивительно хорошо... Все было *comme il faut* (соответствовало правилам светского приличия. – Л.К.) – без всякой фальши».

Два года после первой встречи на балу ждал венчания Пушкин, женившийся на прекрасной и знатной невесте, но, в сущности, бесприданнице. В день долгожданной женитьбы теща заявила зятю, что денег на приданое дочери нет. До обручения, состоявшегося в Большом Вознесении у Тверского бульвара, Пушкин написал сонет, сравнив невесту с Мадонной:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

В письме другу признался: «Я женат и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дождусь».

Приезжая в Москву после женитьбы и переезда в Петербург, Пушкин останавливался в доме родителей жены вблизи Тверского бульвара. Все эти жизненные обстоятельства и дали основание Обществу любителей русской словесности при Императорском Московском университете в 1899 году установить первый памятник Пушкину именно на этом бульваре, откуда его при советской власти передвинули на вершину Тверского холма.

Пушкин с женой на придворном балу. Художник Н.П. Ульянов

С тех пор создано много памятников в честь «солнца русской поэзии». В Петербурге их два, они есть в Одессе, бывшем Екатеринославе – Днепрпетровске, бывшем Тифлисе –

Тбилиси, в городах и странах, где не видели поэта. Памятник Пушкину Зураба Церетели ждут в Эфиопии, откуда родом арап Петра Великого, генерал-аншеф Абрам Петрович Ганнибал, прадед Александра Сергеевича по материнской линии, крещенный Петром.

«Лицом настоящая обезьяна» – называл себя Пушкин в юношеском стихотворении на французском языке. На русском языке в послании лейб-улану Юрьеву, славившемся красотой, на эту же тему есть другой пассаж:

А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

– Вижу Пушкина очень красивым, – сказал мне Зураб Церетели. – Давно написал портрет Пушкина. Меня попросили сделать для Эфиопии, я сделаю ему памятник.

В чем можно не сомневаться. Пушкин через два года после свадьбы приехал в родной город и не узнал ни Москву, ни Тверской бульвар, хотя все деревья остались на своем месте. «Однако, скучна Москва, пуста Москва, бедна Москва, – писал жене, – Даже извозчиков мало на ее скучных улицах. На Тверском бульваре попадаются две-три салопницы, да какой-нибудь студент в очках и в фуражке, да кн. Шаликов...»

Известный московский журналист и литератор грузинский князь Петр Иванович Шаликов завидно долго, 23 года, редактировал старейшую газету «Московские ведомости», параллельно с этим издавал популярный не только у женщин «Дамский журнал» и другие издания. Сочинял сентиментальные стихи, путевые очерки, написал воспоминания «Историческое известие о пребывании в Москве французов в 1812 году».

У Тверского бульвара в сохранившемся доме в конце Большой Дмитровки на углу с Леонтьевским переулком помещалась редакция и квартира редактора под одной крышей дома, куда навещались многие авторы, бывшие с князем в добрых отношениях, что не мешало им посвящать ему неллицеприятные эпиграммы. Петр Вяземский называл Шаликова за неисправимый сентиментализм, вышедший из моды, «Вздыхаловым».

С собачкой, с посохом, с лорнеткой,
С миртовой от мошек веткой,
На шее с розовым платком,
В кармане с парой мадригалов
И с чуть звенящим кошельком,
По свету белому Вздыхалов
Пустился странствовать пешком.

«Странствовать пешком» князю приходилось по бедности: нуждаясь и даже голодая, он не служил, занимался беззаветно литературой. В сентябре 1812 года не смог нанять подводу и остался в горящем городе. В первом издании «Разговора книгопродавца с поэтом» Пушкин, не желая воспевать «женские сердца», ответил «Книгопродавцу»:

Пускай их Шаликов поет,
Любезный баловень природы.

В письме Вяземскому назвал эти слова «мадригалом кн. Шаликову» и заметил: «Он милый поэт, человек достойный уважения... и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна». Все это не помешало Пушкину в соавторстве с Боратынским наградить князя едкой эпиграммой:

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
В руках со трепетом держал.
– Вот, вот с кого пример берите, дуры!
Он дочерям в восторге закричал.
– Откройся мне, о, милый сын природы,
Ах! что слезой твой осеребрило взор?
А тот ему в ответ: «Мне хочется на двор».

Восьмой фаворит Екатерины II и другие истории Тверского бульвара

Если бы на Тверском бульваре трехэтажный особняк Кологривовых не снесли, то он бы имел номер 22. По обеим сторонам Художественного театра, построенного на его месте, сохранилась линия зданий старой Москвы.

«По левой стороне бульвара, – гласит «Путеводитель по Москве 1917 года», – тянутся невысокие строения, по большей части уцелевшие от пожара 1812 года и дающие представления о небольших дворянских домах этой эпохи (напр., номер 26), но современные вывески досадно портят впечатление».

Два уцелевшие дома – 24 и 26 – составляли в XIX веке одну городскую усадьбу. Принадлежало владение генерал-майору Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову, бывшему фавориту Екатерины II, восьмому в ее жизни, как считают биографы царицы.

Чех Корсак, поступивший на московскую службу, стал основоположником дворянского рода Корсаковых. Некоторым из них царь Федор Алексеевич дал право носить фамилию Римских-Корсаковых в знак того, что они произошли из Рима. Фамилию эту носили в России сановники, генералы, адмиралы и композитор Римский-Корсаков, автор «Царской невесты», «Снегурочки», «Садко» и других классических опер, не сходящих со сцены Большого театра.

Капитан Кирасирского полка Римский-Корсаков попал в поле тяготения всеильного Григория Потемкина, тайного мужа Екатерины II. Занимаясь после охлаждения интимных отношений войной и государственными делами, основывая города на Черном море и Днепре, светлейший князь Таврический постоянно подбирал для царицы кандидатуры фаворитов.

Рекомендованного им Семена Зорича, не оправдавшего доверия «мота и игрока», сменил Петр Завадский, через год разделивший участь прежнего фаворита. После «случая» он проявил себя министром народного просвещения, основателем трех университетов – Казанского, Харьковского и Дерптского.

Екатерина II страдала от одиночества, посему Потемкин представил ей трех молодых офицеров. Выбор царицы пал на капитана, ставшего ее восьмым возлюбленным.

Этот фаворит обладал кроме замечательной внешности красивым голосом, хорошо пел и играл на скрипке, слыл веселым и добродушным. На него посыпались милости царицы: чины, деньги, драгоценности, дом в столице, имение с тысячами крепостных.

Екатерина II называла возлюбленного Пирром, именем царя-полководца Древнего мира, прославившегося «пирровой победой». Она искренно восхищалась избранником и полагала, что его «следовало брать как модель всем скульпторам, живописцам; все поэты должны воспевать красоту Римского-Корсакова». Ее корреспондент барон Гримм узнал из письма императрицы: «Он светит как солнце и вокруг себя разливает сияние». Царица «скучала без него... убеждала беречь себя для ее счастья».

В 50 лет императрица считала 25-летнего генерал-адъютанта истинным другом. В его измене убедилась, застав в своей комнате с близкой подругой статс-дамой графиней Прасковьей Брюс. Мстить не стала, страдая, удалила с глаз своих. Этот «случай» длился 16 месяцев. Графиню Прасковью Римский-Корсаков бросил. Уехал из Петербурга в Москву с другой возлюбленной – графиней Екатериной Строгановой. Вольтер сделал ей комплимент: «Ах, сударыня, какой прекрасный день сегодня: я видел солнце и вас».

Не будучи в церковном браке, жили Римский-Корсаков и Строганова уединенно на Тверском бульваре, где родились у них сын и две дочери, получившие дворянство и фамилию Ладомирских.

Став вдовцом, Римский-Корсаков зажил открыто на широкую ногу. Дом на Тверском бульваре в роскошном саду с беседками, статуями, прудами «посещался всей Москвой». Выпавшее на долю фаворита богатство позволяло ездить в карете цугом, запряженной двумя парами лошадей, носить шитый золотом камзол, украшенный драгоценными камнями, задавать балы и «лукулловы обеды», принимать множество гостей. В загородном доме, как писали, «менее 80 человек никогда не бывало... Не только слуги хозяина, но и слуги его гостей пивали зачастую вдоволь шампанского».

В доме хлебосольного Римского-Корсакова жили во время триумфальных гастролей в Москве итальянская певица Анджелика Каталлани и французская актриса Фелис Андрие. Француженка была одной из любовниц Александра I, выказавшего горячие чувства многим женщинам кроме своей красавицы жены.

Дом Римского-Корсакова

В качестве сластолюбца Римский-Корсаков попал в записки князя М.М. Щербатова «О повреждении нравов в России», считавшего, что он «приумножал бесстыдство любострастия в женах». Что не мешало ему слыть «веселым и щедрым человеком», как считает в «Русских портретах» великий князь Николай Михайлович Романов, расстрелянный большевиками с тремя другими великими князьями в Петропавловской крепости.

Пушкин, увлеченный историческими изысканиями, неоднократно бывал у Римского-Корсакова. Как писал Петр Вяземский: «Постояннейшие его посещения были у Корсаковых и у цыганок...» Частый гость расспрашивал обо всем, что запомнил царедворец о времени Екатерины II, пребывая в положении, которому завидовали в столице.

По предложению царя начав писать «Историю Петра», Пушкин интересовался подробностями, которые не попали в архивы. К ним у него появился доступ после повеления Николая I «отставного коллежского секретаря принять на службу тем же чином и определить его в государственную Коллегию иностранных дел». Очевидно, историк Пушкин многое узнал такого,

что дало ему основание жестко и необъективно высказаться как о Екатерине II, так и о фаворитах: «Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные такой слабостью, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностью пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе. Таким образом, развратная государыня развратила свое государство...»

Последние два года жизни Римский-Корсаков не выходил из дома, «сделался дик, запустил бороду, не снимал халата», как вспоминал почтмейстер Александр Булгаков, один из немногих, кто навещал забытого всеми вельможу. По словам Булгакова, ему был всегда рад и подарил письма Екатерины II.

На глазах почтмейстера восьмой фаворит императрицы умер. Похоронил его любящий сын у старинной церкви Покрова в Братцево, «на даче». Надпись на камне гласила, что «здесь погребено тело генерал-майора действительного камергера и разных орденов кавалера Римского-Корсакова, скончавшегося в 1831 г. февраля 16 дня на 76 году своей жизни. Благодетелю незабвенному».

Сохранилась написанная рукой Римского-Корсакова программа из пяти пунктов одного из праздников, приведенная в книге Владимира Муравьева «Тверской бульвар»:

«1. Съезд на Тверской. Там шоколад, кофий, чай, сухари, крендели, цвейбаки (двойные булочки. – *В.М.*), а кто попросит водки или вина, чтоб было все приготовлено.

2. На даче. Когда приедет катанье, в ту же минуту завтрак и блины.

3. Потом, когда пойдут на горы, то музыку и певчих туды, к храму.

4. Потом рыбная ловля. Когда будут кататься, тогда и тянуть невод.

5. Потом, когда с гор будут возвращаться, пустить зайцев и стаю гончих. А ежели будет уже темно, то иллюминировать дорожки и дом. И во все время музыке в саду играть и певчим петь попеременно».

В Братцево сохранился храм, часть погоста и усадебный дворец с бельведером, как предполагают, созданный Александром Ворониным, творцом Казанского собора в Санкт-Петербурге.

Юный Лермонтов еще застал на Тверском бульваре типы, до него высмеянные Батюшковым и неизвестными пиитами 1820-х годов, увидел «невинную красотку 40 лет», «вздыхателей и бедных женихов» и начал было писать свой «Булевар»:

С минуту лишь с бульвара прибежав,
Я взял перо – и право очень рад,
Что плод над ним моих привычных прав
Узнает вновь бульварный маскарад;
Сатиров я, для помощи призвав —
Подговорю, – и все пойдет на лад,
Ругай людей, но лишь ругай остро,
Не то – ко всем чертям твое перо!

Ругать передумал. В отличие от Лермонтова женатый Пушкин ничего для себя интересного на бульваре больше не увидел. Не нашел на привычном месте героев «Горя от ума», ни Фамусова, ни Татьяны Юрьевны. «Хлестова в могиле; Репетиллов в деревне»... Не увидев бывшего аристократического блеска, он с объективностью историка признал: промышленность в Москве «оживилась и развилась с необыкновенною силой. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством». Что его отнюдь не печалило...

Приехавший учиться в Московском университете, Белинский, сравнивая две столицы, нашел, что «ядро коренного московского народонаселения составляет купечество». Его пора-

зило, что купцами «кишат даже самые аристократические улицы и места в Москве, каковы Тверская, Тверской бульвар...»

В начале сороковых годов XIX века автор исторических романов Михаил Загоскин издал книгу под заголовком «Москва и москвичи», заимствованном в XX веке Владимиром Гиляровским. Гуляя на Тверском бульваре, его герой, присев на скамейку, подслушал невольно разговор двух зажиточных приятелей. И воспроизвел их диалог об удачных покупках. Один приобрел на аукционе картину за немалые деньги – триста двадцать пять рублей ассигнациями – и был рад:

– Славная картина; огромная, братец, – во весь простенок. Одна рамка этих денег стоит...

Другой на том же торжище накупил книг на французском языке, которого не знал.

– Диковинный переплет! И все такого большого формата, с золотым обрезом, есть и с картинками... Прекрасные книги, любо посмотреть, братец! А в шкафу под стеклом еще будет виднее!

В другом диалоге помещик, в Париже гулявший каждый день по бульварам, жаловался, что в Москве ему некуда пойти, потому что на Тверском бульваре встретит «двух-трех порядочных людей и целую толпу оборванных мужиков, запачканных прачек...»

На Тверском бульваре начинается сюжет классической повести «Тарантас». Она была роскошно издана в 1845 году очень большим по тем временам тиражом 5000 экземпляров, который и в наши дни считается для прозы немалым. Повесть написал Владимир Соллогуб, уроженец Петербурга, граф от рождения, принадлежавший к высшему аристократическому кругу. Венчал его духовник императора в присутствии Николая I.

Комедию Соллогуба «Чиновник» поставил Александринский театр, на домашней сцене во дворце ее с одобрением смотрел Александр II, сказавший: «Давно бы пора говорить это».

Граф всю жизнь состоял на государственной службе и постоянно сочинял прозу, стихи, пьесы, мемуары. О себе Соллогуб говорил, что он литератор между светскими людьми и светский человек среди литераторов. На его стихи, посвященные «Княгине Ю.С. Г...ной», «Нет, не люблю я вас, да и любить не стану, коварных ваших глаз не верю я обману», вписанные в альбом родственницы Юлии Сергеевны Голицыной, звучит романс полтора века в самых престижных залах.

В «Крылатых словах» русского языка два перла принадлежат Соллогубу: «Беда от нежного сердца», от названия самого популярного русского водевиля; «Благодарю – не ожидал» происходит от шуточного стихотворного экспромта, где каждая строфа заканчивалась таким рефреном.

В конце жизни Пушкин состоял с графом в дружеских отношениях.

С Лермонтовым Соллогуб сочинил стихотворение:

О, как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам...

Лермонтов, отправляясь на Кавказ, предложил Соллогубу: «Вернусь... выйду в отставку и тогда давай вместе издавать журнал». Белинский называл графа «первым писателем современной русской литературы». Гоголь читал в рукописи его повесть. Тургенев ценил талант писателя, его принимал в Ясной Поляне Лев Толстой.

Всего этого могло не случиться, если бы весной 1836 года незадолго до выстрела на Черной речке состоялась дуэль. Пушкину показалось, что молодой граф бестактно говорил с Натальей Николаевной. Помирил в Москве дуэлянтов Павел Нащокин, а к осени былая вражда сменилась взаимной приязнью, Пушкин предложил Соллогубу быть секундантом на дуэли с Дантесом, которая в тот раз не состоялась благодаря графу.

Вся Россия зачитывалась историей о том, как два друга, мечтатель и скептик, западник и славянофил, встретившись на Тверском бульваре, решили ехать из Москвы в симбирское село Мордасы. Они садятся в тарантас, едут по бездорожью, видят перед собой печальную российскую действительность, «скрывающую ее великое предназначение». Во сне мечтатель видит идеальное будущее России, Москву и Тверской бульвар:

«Вековые деревья осеняли бульвар густою широкою тенью. По сторонам его красовались дворцы такой легкой, такой прекрасной архитектуры, что уже при одном взгляде на них душа наполнялась благородною любовью к изящному, отрадным чувством гармонии. Каждый дом казался храмом искусства, а не чванной выставкой бестолковой роскоши».

Новые дворцы не появились на Тверском бульваре, на месте сохранились малая часть из того, что видели мечтатель и скептик. Но именно эти «небольшие домики постройки начала XIX века в стиле ампир», как сказано в старом путеводителе, наполняют душу любовью и чувством гармонии.

Дипломат, живший в лучших городах Европы, великий поэт Федор Тютчев писал из Москвы жене: «Есть что-то удивительно ободряющее меня и освежающее в этом городе... Тверской бульвар неизменно производит на меня свое действие».

Во многих сочинениях классиков фигурирует Тверской бульвар, но об этом – в следующем «хождении».

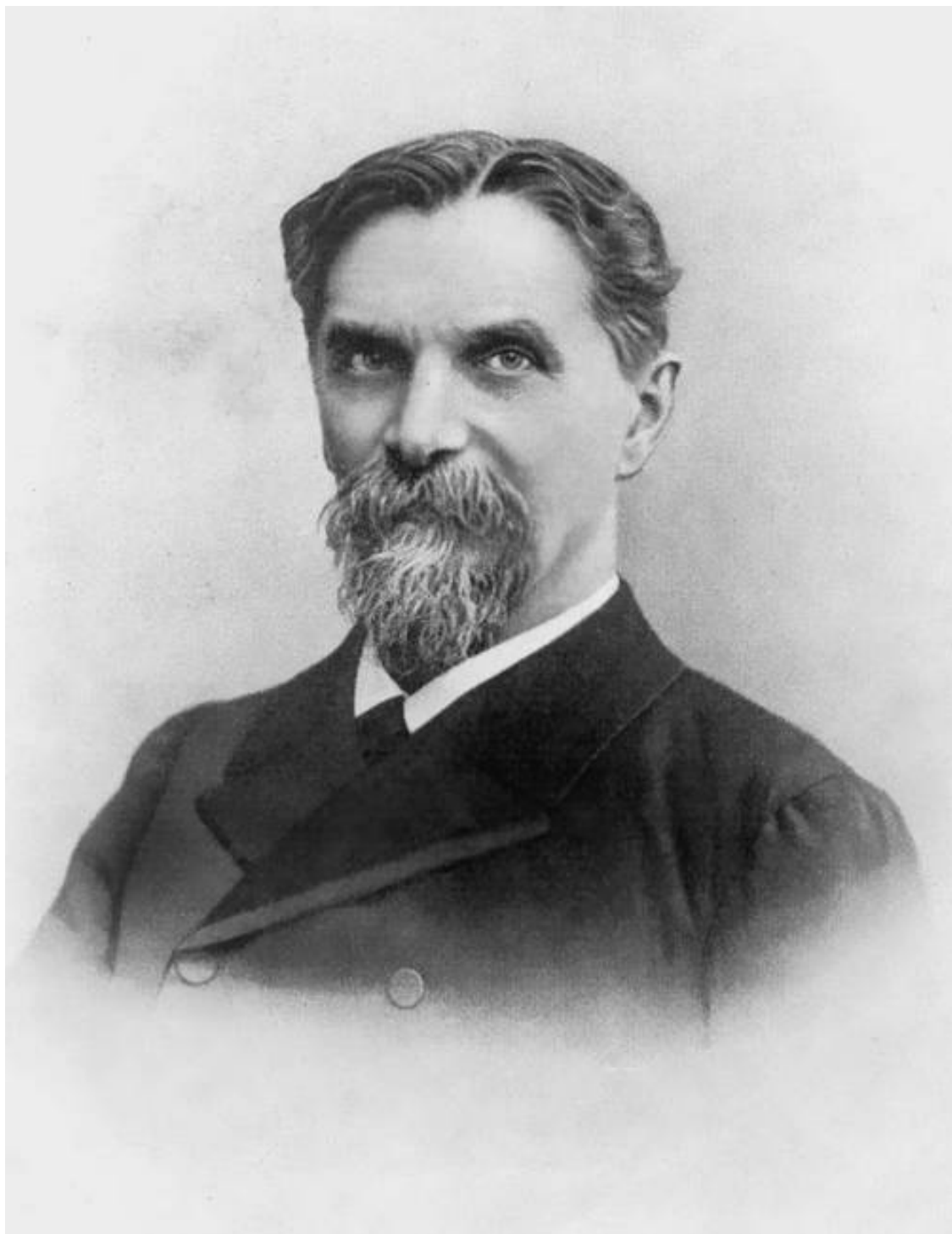
Ботаник и борец в образе профессора Тимирязева

Начинается Тверской бульвар памятником Тимирязеву, установленном при жизни Ленина в 1923 году. В списке монументов, подлежащих украсить «красную столицу» по его настоянию, имени профессора Московского университета не было. Въехав в Кремль, вождь партии вместо разрушенных монументов «царей и их слуг» задумал увековечить тех, кто с ними боролся: «Нам нужно изобразить и Марата, и Дантона, Бабефа, Бакунина и многих других революционеров старых времен...»

В «Списке лиц, коим предположено поставить монументы в г. Москве и других городах РСФСР», насчитывалось свыше 30 революционеров всех времен и народов, начиная со Спартака, Брута, кончая Софьей Перовской и Кибальчицем. За ними упоминалось 35 фигур из сферы литературы, искусства и науки. План был настолько грандиозный, насколько и утопичный. За все годы советской власти установили девять памятников из этого списка в бронзе и камне. Бюсты и статуи из недолговечных материалов, во множестве появившиеся после революции, не сохранились.

Первым увековечила в бетоне Робеспьера в Александровском саду студентка Бронислава Сандомирская, ученица скульптора Волнухина. Под музыку «Марсельезы» на глазах красноармейцев его открыли 3 ноября 1918 года, а 7 ноября, в первую годовщину революции, взорвали. И не восстановили. Постаревшую Сандомирскую я увидел, когда она вернулась из лагеря и принесла в редакцию «Московской правды» фотографию статуи – все, что у нее осталось.

Имени Тимирязева в ленинском «плане монументальной пропаганды» не оказалось. Но для памятника ему нашелся вечный камень и лучшее место в городе на площади Никитских ворот. За что такая честь? За то, что известный ботаник и физиолог, член-корреспондент Императорской Петербургской академии, увенчанный мантией почетного доктора наук Кембриджского университета за приверженность учению Дарвина, в отличие от страдавших при «военном коммунизме» коллег не только принял советскую власть, но и рукоплескал ей.

К.А. Тимирязев

Оппозиционность царскому правительству Тимирязев проявил в 1911 году. Тогда назначенный министром народного просвещения профессор Московского университета Кассо начал искоренять либерализм в профессорской и студенческой среде. Получив образование в лучших школах Европы, Кассо защитил там магистерскую и докторскую диссертации. Но, обращая внимание читателей, вернувшись на родину, чтобы занять кафедру, ему пришлось защищать обе диссертации в России. Общаясь до получения портфеля министра среди студентов, Кассо хорошо знал, что они не столько учились, сколько занимались политикой. Студент Московского университета Каракозов стрелял в Александра II. Студент Казанского универси-

тета Ульянов основал партию большевиков. Студенты убивали губернаторов и градоначальников.

Вступив в должность, Кассо выпустил циркуляр «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», возложив его на ректоров и профессоров. В знак протеста свыше ста из них во главе с ректором Московского университета Мануйловым (а не профессором Тимирязевым, как писала советская энциклопедия «Москва») подали прошения об отставке. (В их числе оказались те, кто при советской власти стали пассажирами «философского парохода» и вынужденными эмигрантами.) Когда в Государственной думе обсуждалось «дело Кассо», большевик Бадаев произнес речь, написанную для него Лениным: «Наше министерство народного просвещения есть министерство полицейского сыска, глумления над молодежью, надругательства над народным стремлением к знанию».

В личной библиотеке в Кремле Ленин хранил сборник речей Тимирязева «Насущные задачи современного естествознания», его брошюру, изданную в 1918 году в Петрограде, под названием «Красное знамя. (Притча ученого)». Под этим знаменем вошел автор в Социалистическую академию в Москве, созданную в противовес «буржуазной» Петербургской академии наук.

Попали в библиотеку вождя книга профессора «Ч. Дарвин и К. Маркс» и сборник статей «Демократия и наука». Его автор отправил в Кремль с надписью «Глубокоуважаемому Владимиру Ильичу Ленину от К. Тимирязева, считающего за счастье быть его современником и свидетелем его славной деятельности». Ленин книгу прочитал, обрадовался и ответил Тимирязеву, жившему рядом с Кремлем в доме университета: «Был прямо в восторге, читая Ваши замечания против буржуазии и за Советскую власть». После чего рабочие Московско-Курской железной дороги выдвинули Климента Аркадьевича на 73-м году жизни депутатом Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. Стенографы записали его выступление, и по нему можно судить, что профессор был ярким оратором, чья речь по напору и потоку слов напоминала стиль Ильича.

«— Работать, работать и работать! Вот призывный клич, который должен раздаваться с утра и до вечера и с края в край многонациональной страны, имеющей законное право гордиться тем, что она уже совершила, но еще не получившей заслуженной награды за все свои жертвы, за все свои подвиги. Нет в эту минуту труда мелкого, неважного, а и подавно нет труда постыдного. Есть один труд, необходимый и осмысленный...»

Итак, товарищи, все за общую работу, не покладая рук, и да процветает наша Советская республика, созданная самоотверженным подвигом рабочих и крестьян, только что на глазах у нас спасенная нашей славной Красной Армией!»

Столь же убедительно написал профессор для энциклопедии «Гранат» статью «Мендель». В ней вывел его гениальное открытие наследственности за черту науки. Что помогло «народному академику» Лысенко, опираясь на авторитет Тимирязева, громить генетиков, наводить «порядок» в биологии.

Радость депутата длилась недолго. Вскоре после приветов от Ленина автора «Науки и демократии» с почетом похоронили на Новодевичьем кладбище.

Профессор Тимирязев послужил прообразом профессора Полежаева, главного героя фильма «Депутат Балтики», в 1937 году обошедшего экраны СССР. Действие в нем происходит в Петрограде после взятия Зимнего дворца. Седовласый профессор публикует статью, наподобие «Красного знамени», и единственный в своем кругу горячо приветствует советскую власть, хотя она обрекла ученых на невиданные страдания. Все отворачиваются от Полежаева, поддержку он находит у революционных матросов. Он просвещает их, как студентов, а они избирают его депутатом от Балтийского флота...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.